

Т.А. Голикова¹

T.A. Golikova

ЯЗЫКИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

MINORITY LANGUAGES OF THE SMALL-NUMBERED PEOPLES IN SIBERIA: LANGUAGE POLICY SPECIFICS

Статья посвящена описанию особенностей языковой политики в регионе Сибири. Проблема сохранения миноритарных языков ставится как проблема сохранения идентичности малочисленных этносов. Указываются основные причины исчезновения миноритарных языков в России, связанные с политикой обучения в советский период.

Ключевые слова: языковая политика, малочисленные народы, миноритарные языки.

The paper is devoted to the description of the specifics of language policy in the Siberia region. The problem of the minority language preservation is defined as an issue of the preservation of the national identity of the ethnic minorities. Main causes of disappearance of some minority languages in Russia associated with the educational policy in the Soviet period of time are outlined herein.

Keywords: language policy, small-numbered people, minority languages.

Государство играет решающую роль в определении статуса языков и культур миноритарных и мажоритарного этносов на своей территории. Языковые ситуации являются следствием процесса создания государств и государственной национальной и языковой политики.

Анализ связи языка и этничности показывает, что лингвистическая ситуация в первую очередь зависит от таких факторов, как власть, предубеждения, (неравная) конкуренция и, во многих случаях, дискриминация и субординация. Как сказал Н. Хомский, «Вопросы языка – это в основном вопросы власти».

В Сибирском федеральном округе в настоящее время пять регионов имеют статус республики: Алтай, Бурятия, Тува, Хакасия, Саха (Якутия). На территории Сибири проживают около 80 народов, из которых 40 коренных малочисленных этносов.

¹ Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела НОУ ВПО «Российский новый университет».

Большая часть языков, находящихся сегодня под угрозой исчезновения, – это языки социально и политически маргинальных и/или подчиненных национальных и этнических меньшинств. Смерть языка редко возникает в богатых и привилегированных сообществах, а почти всегда – в сообществах, лишенных власти, территорий, возможности и поддержки для развития культуры и т.д. Другими словами, потеря миноритарного языка почти всегда является частью более широких процессов социального, культурного и политического неблагополучия.

Ученые сегодня предсказывают, что из 6000 языков в мире от 20 до 50% из них «умрут» до конца XXI в. Очевидно, что о смерти, т.е. исчезновении языка можно говорить только тогда, когда умирает последний говорящий на этом языке. Но, фактически, как только язык перестает употребляться сообществом говорящих, он уже начинает исчезать. Падение и исчезновение языка всегда возникают в контексте билингвизма или мультILINGVИЗМА, в котором язык большинства –

язык, носители которого обладают большей политической властью, привилегиями и социальным престижем – приходит на замену. Неизбежным результатом этого процесса является то, что говорящие переключаются со временем на мажоритарный язык.

Конечно, исчезновение и переключение языков было всегда – языки возникали и исчезали, устаревали, умирали или адаптировались к изменившимся обстоятельствам, чтобы выжить, – на протяжении всей человеческой истории. Но что является качественно (и количественно) другим – это беспрецедентная степень падения и утраты языков, настолько серьезная, что некоторые ученые даже описывают это как форму «лингвистического геноцида».

Проблема сохранения миноритарного языка связана с проблемой идентичности. Язык может быть ярким маркером этнической идентичности для одних людей или этноса в целом и не быть таковым для других. Статистика демонстрирует также, что не существует неизбежной связи между языком и этничностью. Другими словами, лингвистические различия не всегда соотносятся с этническими – принадлежность к какой-либо этнической группе не всегда влечет за собой ассоциацию с определенным языком как для индивидуальных членов, так и для всей группы. Известны и противоположные ситуации, когда несколько этнических групп могут говорить на одном языке, продолжая сохранять различную этническую или национальную идентичность.

Малые языки Сибири относятся к шести семьям (уральские, тюркские, тунгусо-маньчжурские, енисейские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские); кроме того, среди них имеются три генетически изолированных языка (ительменский, нивхский и юкагирский).

Народы, говорящие на этих языках, насчитывают от почти 33 000 до 100 человек, а число носителей языков колеблется от 25 000 (тундровый ненецкий) до 1–3 человек (керекский). Некоторые народы (долганы, коряки, манси, ненцы, ханты, чукчи, эвенки) имеют свои автономные территориальные образования: Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Корякский автономные округа. Все эти округа были основаны в 1929–1932 гг., когда представители коренных малочисленных народов составляли большинство населения соответствующих территорий.

В настоящее время коренное население составляет в своих автономиях меньшинство (от 16% коряков в Корякском автономном округе до

менее 1% хантов и менее 0,5% манси в Ханты-Мансийском автономном округе). Тем не менее, автохтонные языки на территориях автономных округов находятся все же в лучшем положении, чем языки территорий, не имеющих специального статуса.

Не первый век проблема сохранения родного языка у малых народов России является актуальной, тем более что за ней возникает целый ряд других необратимых проблем культурного порядка. Их можно выразить как «маргинализация этнической культуры» и, соответственно, переориентация населения, занимающего немалые территории нашей страны, на иную систему ценностей – в прошлом федерального, а сейчас скорее глобального характера (но в качестве потребителей-маргиналов).

Рассматривая этническую историю малых народов России, обнаруживаем, что многие из них уже меняли свой родной язык, так что сам по себе этот процесс не кажется катастрофическим. Например, в южносибирском регионе жили народы северосамодийской языковой семьи, которая теперь существует только на Крайнем Севере. Схожая история наблюдается и с народами, говорившими на юкагирских языках. Расселение на их территории эвенков и эвенов сократило зону существования юкагирского языка до бассейна Колымы. Однако тунгусоязычное население территорий к западу от Колымы и до Таймыра включительно (вместе с бывшими юкагирами) еще в XIX в. перешло на якутский язык. А на Колыме конца XIX – начала XX в., наряду с собственно юкагирами, обитали группы эвенов, говорящих по-юкагирски.

Приведенные факты относятся к естественно-историческим процессам. Если принять эту точку зрения, то вряд ли вышеуказанные языки можно было как-либо сохранить, не меняя окружения и образа жизни их носителей. В то же время, трудно себе представить, что в этих случаях традиционная этническая культура передавалась забвению и происходила переориентация на иную систему ценностей, поскольку образ жизни и способ самообеспечения, в сущности, не менялись.

Согласно истории народов Сибири, переменна образа жизни и способа самообеспечения со всеми вытекающими культурными последствиями чаще всего происходили при сохранении родного языка, как это, например, случилось с ненцами, вытесненными в тундру обскими уграми и ставшими там крупнотабунными оленеводами. Аналогичный пример с кардинальной переменной образа жизни и способа жизнеобеспечения

находим у чукчей (тоже связанный с переходом к крупнотабунному оленеводству в XVIII в.).

Современные проблемы, возникающие у малых народов с утратой языка, несколько иные, чем в досоветском прошлом. У малых народов появилась возможность получать специальное и высшее образование, отсутствовавшее в их традиционной культуре. Соответственно, внутренне монолитная этническая среда распалась на различные приоритетные интересы. Для традиционной культуры совсем малых народов, таких, как *нивхи*, *нганасаны*, *энцы*, *юкагиры* и др., это явление оказалось губительным по части сохранения родного языка.

У малых народов большей численности, таких, как *ненцы*, *коми-ижемцы*, *эвены*, *чукчи*, *коряки* и др., родной язык сохраняется в моноэтнической среде, то есть для сохранения языка необходима соответствующая среда. Но она может оказаться не моноэтнической и монологической (как, например, в низовьях Колымы, где еще в середине XX в. среди населения нередко встречались трилингвы). В этом случае у языков должны быть в общественной жизни четко обозначенные сферы употребления при определенном балансе социального приоритета и минимуме смешанных браков – ситуация зыбкая, но, учитывая различный образ жизни этнических групп, живущих в близком соседстве, для Сибири нередкая.

С одной стороны, утрату родного языка малыми народами во второй половине XX в. можно представить историческим процессом, но в какой степени этот процесс считать естественным – вопрос открытый, поскольку он явился еще и результатом целенаправленной государственной политики, как хозяйственной, так и языковой.

Что означает сейчас сохранение родного языка у малых народов? Это, во многом, – символ этнического самосознания.

На тех территориях, где язык не сохранился, таким символом могут стать, например, различные виды традиционной деятельности (олениводство у сахалинских ульта) или реконструированные праздники (например, у ительменов).

Можно ли на сегодняшний день вписывать родной язык у малых народов в их систему реальных, а не символических ценностей? – Это тоже вопрос открытый, поскольку любой язык имеет не только коммуникативный, но и культурный аспект. Эта культурная сторона языка либо может транслироваться на другие языки без потери смысла, либо же смысл теряется. На любой язык можно перевести, например, историческое предание или быличку, а вот волшебная сказ-

ка переводится с серьезными стилистическими потерями, любая же песня или эпическое сказание на язык чужеродной культуры не переводится вовсе (разве что в академическом варианте). В фольклоре народов есть необычные примеры, подтверждающие это правило. Так, например, ненецкий героический эпос был заимствован коми-ижемцами, а также энцами и нганасанами вместе с ненецким оленеводством и дальше уже самостоятельно развивался на языках коми, энецком и нганасанском. В какой степени сейчас востребованы в своей родной среде эпические фольклорные памятники? – На сегодняшний день, вероятно, везде ответ один и тот же: ни в какой. – Реальная жизнь, воспитанная приоритетами из СМИ, слишком далека от них.

Говоря об основных причинах исчезновения миноритарных языков в России, следует отметить, что, согласно советской языковой политике, пользование языками малочисленных народов России рассматривалось как временное состояние, некое переходное состояние языковой ситуации внутри социалистического или предкоммунистического государства. В выработке стратегий и принятии решений доминировал взгляд на языки коренных народов как на отживающее, не имеющее перспективы явление, причем, как показывают наблюдения, эти взгляды озвучивались и в той или иной форме проводились в жизнь не столько с самого верха законодательного уровня, а со среднего звена – с уровня региональных и районных структур, и такие же взгляды высказывали (правда, пассивно, на уровне констатаций) некоторые известные специалисты.

Вот эта самая идея «временности» пользования родным языком или изучения его в учебном заведении (одна из форм пользования языком) в наше время существует на всех уровнях и во всех сферах: обучение на родном языке велось с предусмотренным переходом на русский язык, обучение родным языкам вводится и ведется с оглядкой на коррекцию или отмену, учащиеся понимают, что рано или поздно взрослые прекратят обучать их второму языку, и очень хорошо знают, что этот самый второй язык все изучают в школе, и никто из тех, кого они видят постоянно, не пользуется им в быту. На родном языке не говорят ни в книгах, ни в фильмах, ни по ТВ, а по радио в течение короткого времени передают новости для взрослых.

Можно быть уверенным, дети раньше взрослых поняли простую вещь – пользование родными языками коренных народов России есть временное состояние. Учащиеся школ, техникумов

и вузов, изучающие родной язык, – это временные социальные группы по определению. Жители национальных сел – это тоже временная социальная группа, которая стремится в районные центры со смешанным населением, где родной язык не функционирует. Даже пенсионеры, приезжающие из тундры и тайги жить в небольшие поселки, в большей мере начинают соприкасаться с русским языком и пользоваться им, нежели в то время, когда они безвыездно жили в тундре. Дети прекрасно видят и то, что на их родном языке не заговорил ни один директор школы, ни один инженер, ни один милиционер, ни один глава поселковой администрации.

Языковая политика принципиально не может быть сведена к обучению языку – это политика, определяющая функционирование языка во всех сферах коммуникации и средах пользователей. Сведение языковой политики в отношении языков коренных народов России к регулированию преподавания этих языков в школе и подготовке учителей неблагоприятно отражается на функционировании языков. Она способствует стереотипизации всех форм пользования этническим языком – от стратегий использования этого языка до отдельных типов документов и текстов на этом языке. Такая языковая политика бесполезна, если не прямо вредна. Это оставляет без поддержки родной язык в среде старших поколений, без которых немислимо сохранение и развитие языка.

Сосредоточение всего внимания на обучении языку младших школьников в условиях разрушающейся языковой среды любого языка означает полупарализованное состояние, это гибель языка, это самоубийство языка в старших поколениях. Поэтому для изменения ситуации и обеспечения успешного преподавания языка в учебных заведениях необходимо внешнее усиление поддержки преподаваемого языка за пределами учебных заведений, в общественной жизни и духовной культуре регионов.

Россия была провозглашена империей в начале XVIII в. На протяжении XVIII и XIX вв. империя расширялась, росла, присоединяя новые территории, населенные «инородцами», и соответственно росло количество языков, на которых говорили ее подданные. Но уже в то время языки на присоединенных территориях стали исчезать.

Этот список включает группу енисейских языков (асанский, аринский, котский, пумпокольский), маторский язык из самодийской группы, родственные юкагирскому чуванский и омокский, восточный и южный ительменские. Носители этих языков частично вымерли во вре-

мя эпидемий оспы и кори, принесенных в Сибирь и на Дальний Восток русскими землепроходцами, частично перешли на языки своих соседей или на русский язык.

При всем том, к началу XX в. среди носителей малых языков Сибири знание русского языка было не слишком распространено. Большинство малых аборигенных народов России в то время еще сохраняли традиционный образ жизни. Они интенсивно использовали свои этнические языки, часто владея при этом одним или несколькими языками своих соседей, иногда также каким-нибудь региональным языком, отличным от русского. Подавляющее большинство аборигенного населения страны было неграмотным. Школы в районах их проживания были редкостью. Но даже те немногие из них, кто посещал школу в Сибири, обучались на русском языке.

На протяжении XIX в. было сделано несколько попыток обучать детей аборигенных народов на их родном языке, но почти все эти попытки ни к чему не привели. В ходе кампании по ликвидации неграмотности язык обучения поначалу выбирали в зависимости от ситуации в том или ином регионе или даже населенном пункте, а также от языковой компетенции самих учителей. Так, селькупов Томской области обучали грамоте по-русски, так как знание русского языка было среди них не в диковинку, а вот в Туруханском крае молодому директору только что открывшейся школы-интерната для детей народов Севера пришлось выучить селькупский язык, ибо ни один из его учеников не знал русского.

Для тогдашней России именно последняя ситуация была наиболее типичной, поэтому неудивительно, что именно обучение чтению и письму на родных языках населения стало рассматриваться как скорейший путь ко всеобщей грамотности. Большинство языков коренных меньшинств в то время не имело письменности, и для некоторых из них стала разрабатываться система письма. В начале 1930-х гг. письменность была создана для 20 малых языков страны. На этих языках были составлены буквари, учебники для младших классов и книги для чтения, а сами языки стали использоваться в начальной школе как средство обучения и изучаться как предмет. Среди школьных учителей в то время почти не было представителей самих коренных малочисленных народов, и учителя, преподававшие в национальной школе и не владевшие языком своих учеников, должны были этот язык выучить.

В тот короткий период в школе проводилась так называемая политика коренизации. Коренизированные школы должны были вести обучение

на родных языках в подготовительном и первом классах, и во вторых классах в том случае, если учебники для вторых классов на данном языке уже были изданы и доведены до округа (1935 г.). Параллельно для подготовки учителей из среды самих представителей коренных малочисленных народов в разных концах страны было открыто несколько специализированных педагогических училищ, а в Ленинграде – Институт народов Севера. Программа коренизированной школы предусматривала также обязательное изучение русского языка в первом классе и постепенный переход на русский язык в качестве основного средства обучения во втором классе.

При создании новых алфавитов в 1920–1930-х гг. исходили из предположения, как впоследствии оказалось весьма спорного, что если какой-то локальный вариант языка выбирается в качестве базового и провозглашается в качестве общего стандарта, если на этом диалекте издаются учебники и он начинает преподаваться в школе, то новый стандарт и созданные на его базе учебники должны быть с энтузиазмом немедленно приняты носителями других диалектов того же языка. Больше того, ожидалось, что носители некоторых малых языков смогут обучаться в школе не на их собственном языке, а на каком-нибудь генетически родственном языке, для которого будет создана письменность. В действительности такое предположение не сработало: далеко не все представители малых народов были довольны тем, что их детей будут учить на чужом диалекте. Этот факт наряду с изменением государственной языковой политики, произошедшем в конце 1930-х годов, привел к постепенному вытеснению родных языков из учебного процесса.

В дальнейшем школа стала играть (и до сих пор продолжает играть) решающую роль в стимулировании процесса языкового сдвига – перехода носителей малых языков на доминирующий язык.

Государственная политика в области образования, сложившаяся в 1950-е годы, объективно способствовала языковой ассимиляции представителей малых народов СССР: русский стал основным – а для большинства коренных малочисленных народов единственным – языком обучения на территории Российской Федерации.

Хотя некоторые языки малых народов (*ненецкий, хантыйский, эвенкийский, эвенский, чукотский и нанайский*) все еще оставались в школе, их роль в процессе обучения неуклонно уменьшалась. По мере того как среди представителей малых народов распространялось знание рус-

ского языка, языкам коренного населения в школе стали уделять все меньше внимания, со временем они перестали использоваться в качестве языков обучения и превратились лишь в изучаемые предметы.

Только к концу 1970-х годов ситуация стала постепенно меняться. На протяжении 1980-х годов некоторые малые языки вернулись в школу. Были созданы системы письма для ряда ранее бесписьменных языков, и их тоже стали преподавать в школе.

Начало 1990-х годов было временем больших надежд, надежд на появление новых возможностей развития и сохранения языков коренных малочисленных народов.

Еще одна причина. Если большая часть этнических меньшинств за рубежом не хочет быть «коренными», и уж никто не хочет быть «малочисленными», в то время как для народов России именно в этих двух словах скрывается смысл этнического бытия, иногда единственным источником существования.

А. А. Бурькин выделяет двенадцать «не», или чего не хотят современные представители коренных народов России в отношении родного языка, образования и науки:

1) современные представители коренных малочисленных народов России не хотят, чтобы статус их этносов привязывался к уровню знания родного языка и тем самым родной язык вернул себе статус этнического маркера;

2) они не хотят сохранять родной язык в новых социумах и диаспоре на уровне средства постоянного общения;

3) не хотят что-либо менять в системе образования и ее кадровом составе;

4) не хотят, чтобы кто-то написал им нормальные учебники по родным языкам и обеспечил полные комплекты учебников по родным языкам;

5) не хотят, чтобы преподавание родных языков на высшем уровне было обеспечено квалифицированными кадрами (лучше свои, чем профессионалы);

6) не хотят работать в учебных заведениях по чужим учебникам, даже если они на два порядка лучше того, чем располагают педагоги и методисты;

7) не хотят, чтобы учителя родных языков повышали свою квалификацию в реальности, а не в организационных формах;

8) не хотят, чтобы на их языках говорили представители приезжего населения;

9) не хотят, чтобы знание языков коренных жителей русскоязычными жителями северных

регионов поощрялось территориальной администрацией;

10) не хотят, чтобы в северных регионах появлялось постоянное русскоговорящее население, им нужны русскоговорящие специалисты, но их устраивают специалисты со второсортным статусом «приезжих»;

11) не хотят, чтобы языки и культура коренных жителей Севера изучались представителями других регионов России, однако при этом приветствуют их изучение иностранными учеными;

12) не хотят создавать однонациональные семьи [1].

Сегодня очевидно, что для сохранения малых языков России необходима целенаправленная государственная политика. В 20-30-е гг. XX в. такая политика у нас все-таки была, а ее инерция продолжалась и позднее. В настоящее время такой политики нет. И важно осознать, что подобная политика по сути своей должна быть антирыночной, т.е. действовать вопреки законам рынка. Эти законы сами по себе способствуют вытеснению малых языков русским.

Участники Международного круглого стола по проблемам языков коренных народов Сибири, находящихся под угрозой исчезновения (Москва, ИЭА РАН, 27–28 октября 2005 г.) по итогам обсуждения прозвучавших докладов и сообщений приняли общее коллективное решение:

II. ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ

Государственной думы и Правительства Российской Федерации:

- на настоятельную необходимость разработки и принятия особой федеральной программы по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока; эта программа стала бы достойным вкладом России в очередное десятилетие коренных народов, объявленное ООН;

- на важность поддержки программ профильных издательств, направленных на издание учебной и учебно-методической литературы по языкам и культурам народов Севера;

- на осуществление продуманной политики финансирования в этой области, способной обеспечить реальное сохранение, документирова-

ние и развитие языков коренных малочисленных народов Севера.

Министерства образования и науки РФ:

- на необходимость увеличения количества часов, отводимых на преподавание языков народов Севера, в частности на проведение практических занятий по устной речи, в Институте народов Севера и на других факультетах РГПУ им. А.И. Герцена;

- на поддержание преподавания языков народов Севера и смежных дисциплин в вузах и средних специальных учебных заведениях Севера, Сибири и Дальнего Востока и обеспечение этих учебных заведений квалифицированными кадрами и учебными пособиями.

Президиума Российской Академии наук:

- на необходимость создания на базе Института этнологии и антропологии РАН специализированного межинститутского Академического центра документирования материалов по языкам и культурам народов Сибири, одной из важнейших целей которого станет разработка специализированных компьютерных программ фиксации, реставрации и хранения, а в большинстве случаев – спасения уникальных аудиовизуальных и рукописных материалов, накопленных российской наукой за последние три столетия;

- на важность разработки программы серийного издания и переиздания академических грамматических описаний и двуязычных словарей языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [2].

Литература

1. Бурькин А.А. Языки малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в динамике изменений образовательной языковой среды. – URL: http://www.lingsib.iea.ras.ru/round_table/papers/burykin.shtml (дата обращения: 27.01.13).

2. Итоговый документ. URL: http://www.lingsib.iea.ras.ru/round_table/resolution.shtml (дата обращения: 27.01.13).